

Полифония «Других» в романе Владимира Набокова «Дар»

Елена Демьянова, бакалавр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), eddemyanova@edu.hse.ru

В статье мы обращаемся к философской категории «Другого» в интерпретации французского философа Жан-Поля Сартра. Мы применяем её к анализу романа Владимира Набокова «Дар». «Другой» понимается как инобытие, при взаимодействии с которым выстраивается личность и самодостаточность главного героя романа – Федора Годунова-Чердынцева. В статье выделяются и анализируются трое «Других»: Другой как созидательная сила, действующая вне романа, Другой как чуждая герою немецкая культура и Другой как писатель Николай Чернышевский, анти-двойник главного героя. «Другие» образуют полифонию, наполняющую мир Годунова-Чердынцева. Выстраивая отношения с каждым из трёх «Других», Годунов-Чердынцев раскрывает свой творческий и созидательный дар, а также обретает себя.

Ключевые слова: Владимир Набоков, «Дар», Другой, экзистенциализм, тайное возмещение, полифония, Федор Годунов-Чердынцев, Жан-Поль Сартр, Николай Чернышевский

Для цитирования: Демьянова Е.Д. Полифония «Других» в романе Владимира Набокова «Дар» // Метаморфозис. 2023. Т. 8. №1. С. 26-33.

Введение

Роман «Дар» – вершина русскоязычного творчества В.В. Набокова. Помимо сложной структуры, обилия отсылок к сюжетам русской классической литературы и исключительной красоты набоковского слога, «Дар» обращается к глубокой философской проблематике. Это вопросы о роли судьбы в жизни человека, о сущности подлинного творчества, о миссии художника-творца, о природе созидательного дара. Эти вопросы разворачиваются на всех уровнях «Дара»: как внутри текстов Федора Годунова-Чердынцева, так и на уровне бытийствования самого романа. Однако для всех этих философских проблем характерна оппозиция «Я – Другой».

Сюжет романа «Дар» сосредоточен вокруг процесса становления русского эмигранта Фёдора Годунова-Чердынцева писателем и поэтом. Через его взаимодействие с другими героями романа, через его отношение к прошлому, через его осмысление сюжетов классической русской литературы и своеобразное отражение авторских текстов обнаруживается подлинная природа творческого дара писателя. Здесь особенно важна фигура «Другого» – кого-то или чего-то, отличного от «меня», через инаковость которого можно понять уникальность своего «Я». «Другой» возникает в романе в трех ипостасях: некая сила, находящаяся за пределами романа; немецкая культурная среда, чуждая главному герою; один из персонажей его текстов. В этом смысле «Дар» полифоничен, предстает перед читателем множеством «самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний»¹. Полифония разворачивается в голосах трех Других. Именно через взаимодействие с ними раскрывается дар Годунова-Чердынцева. То, как Годунов-Чердынцев взаимодействует с этой полифонией «Других» и как это взаимодействие влияет на его становление в качестве писателя мы обсудим далее.

Философская концепция «Другого» в «Даре» В.В. Набокова

Концепция «Другого» развивается во многих философских системах. Этот вопрос поднимается в работах Аристотеля, когда он разрабатывает концепцию дружбы². В истории этот концепт проходит через христианскую идею Бога, находящегося за пределами «земного» мира, раскрывается в «Феноменологии духа» Гегеля с помощью термина инобытия и находит отражение в трудах многих мыслителей двадцатого века. Например, в своей работе «Бытие и Ничто» французский философ-экзистенциалист Ж.П. Сартр определяет «Другого» как того, «кто не является мной и которым не

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 10.

² Апресян Г.А. Проблема Другого в философии Аристотеля // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 70.

являюсь я»³. «Другой» – кто-то с отличным от меня опытом, являющийся для меня «бытием-в-себе» и объектом, который я не могу отождествить с собой, а значит, и понять в полной мере. Однако именно через объектно-субъектные отношения между «мной» и «Другим» я познаю свою самость, отличие, целостность и уникальность. Без соприкосновения с «Другим» я не могу существовать как оформленный самосознающий субъект. Только в «Другом» я становлюсь с собой.

Эту философскую концепцию «Другого» можно обнаружить в «Даре» Набокова в трех ипостасях. Во-первых, «Другой» предстает перед читателем как некая высшая сила, находящаяся за пределами романа и влияющая на жизнь персонажей. Во-вторых, «Другой» и чужой становится для главного героя немецкая культура. В-третьих, «Другой» предстает уже на страницах романа самого Годунова-Чердынцева в образе его анти-двойника – Н.Г. Чернышевского. Эти трое «Других» говорят индивидуально, и через взаимодействие с каждым из них оформляется творческое дарования героя Набокова.

«Другой» как высшая сила за пределами романа

На протяжении всего повествования большое внимание отводится проблеме Судьбы. Когда с Годуновым-Чердынцевым происходит несчастье, следом случается что-то хорошее, словно дар высших сил. Как пишет один из главных исследователей творчества Набокова Александр Долинин, «преобразование потери в дар и компенсация потери – это ключевые механизмы романа»⁴. Например, такими подарками высших сил становятся «кряпчатый жилет с перламутровыми пуговицами и лысина тыквенного оттенка»⁵, которые Годунов-Чердынцев замечает после того, как в табачном магазинчике не обнаруживаются нужных ему папирос; или же сон, в котором к герою приходит пропавший без вести отец. И именно «работа судьбы»⁶ сталкивает его с любовью всей жизни – Зиной Мерц. Все это сам Годунов-Чердынцев называет «тайным возмещением»⁷.

Однако «тайное возмещение» не происходит само по себе. Это результат действий некоей высшей силы, неподвластной человеческим желанием. Герой не может повлиять на нее, но в его силах поменять свое отношение к ней и воспринимать все ее действия в качестве акта дарения. Эта высшая сила выступает по отношению к человеку проекцией «Другого»:

³ Сартр Ж.П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. С. 254.

⁴ Долинин А. Как читать роман «Дар». Arzamas.Academy [электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1618> (Дата обращения: 23.12.2021).

⁵ Набоков В.В. Дар. СПб: «Издательская группа «Азбука-Аттикус»», 2020. С. 10.

⁶ Там же. С. 407.

⁷ Там же. С. 10.

соприкасаясь с ней человек обретает себя и раскрывается для мирской благодати. Так, признание «Другого» приводит к обретению подлинного счастья: «Куда мне девать все эти подарки, которыми летнее утро награждает меня – и только меня? <...> Или глубже, дотошнее: понять, что скрывается за всем этим, за игрой, за блеском, за жирным, зеленым гримом листвы?»⁸. Без признания этого неизвестного «Другого», без попыток разглядеть его роль, нельзя в полной мере ощутить акт дарения, который преследует человека всю жизнь. Федор Константинович признает существование некоего всевышнего, который находится за пределами его «Я» и которому его «Я» не может противостоять. За это «Другой» позволяет ему разглядеть благодать, скрытую за мирским.

«Другой» как носитель иной культуры

Голос второго «Другого» в романе «Дар» – окружающая Годунова-Чердынцева немецкая ментальность, с которой он вынужден сосуществовать. Немецкая культура ненавистна Федору Константиновичу: «Боже мой, как я ненавижу все это: лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара и в особенности церемониал сделки, обмен приторными любезностями, до и после!»⁹. Она воспринимается им как нечто чужое и оторванное от него: «Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну, – где все мне чуждо и противно, где роман о кровосмешении или бездарно-ударная, приторно-риторическая, фальшиво-вшивая повесть о войне считается венцом литературы; где литературы на самом деле нет, и давно нет»¹⁰. Однако через эту чуждость и инаковость Годунов-Чердынцев обнаруживает глубокую любовь и привязанность к России и создает свои лучшие литературные произведения. Трансформируя тоску по родине в стихотворные строки, описывая чуждость Германии и отличность немецкой ментальности от его собственной, Годунов-Чердынцев создает одно из центральных стихотворений «Дара»:

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
и сам с собою говорю.
И в разговоре каждой ночи
сама душа не разберет,
мое ль безумие бормочет,
твоя ли музыка растет...¹¹

⁸ Набоков В.В. Дар. СПб: «Издательская группа «Азбука-Аттикус»», 2020. С. 367.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 392.

¹¹ Там же. С. 65.

Как пишет Ю.Д. Апресян, именно в этом стихотворении в полной мере отражаются все грани чуждости и тоски набоковского героя – «реальное соединение с чужим, реальная разлука с родным и сублимированное соединение с родным»¹². После осознания этой чуждости Годунов-Чердынцев начинает творить. В этом открывается способность писателя сочинять стихотворения, посвященные родине, и переводить в слова воспоминания, связанные с отцом, сестрой, матерью и домом детства. Облечь воспоминания в слова значит позволить им существовать не только в памяти, но и на страницах рукописей, которые, как известно, не исчезнут. Поэтому в этом противопоставлении Ф.К. Годунов-Чердынцев раскрывается как писатель-наследник русской классической литературы, который способен надеять жизнь давно ушедшее и оставшееся позади.

«Другой» как образ Н.Г. Чернышевского

Важнейшей композиционной частью «Дара» является четвертая глава, в которой представлен роман Федора Константиновича Годунова-Чердынцева «Жизнь Чернышевского». Н.Г. Чернышевский представляет противоположность Годунова-Чердынцева, это его антидвойник, его зеркальное литературное отражение, через анализ которого можно приблизиться к образу Годунова-Чердынцева как творца.

Как пишет А. Долинин, для реального Набокова важнейшими критериями художественного мышления являлись¹³:

1. Способность воспринимать вещи не только целиком, но в качестве состоящих из различных мелких деталей и частей. Умение подмечать любую мелочь, которая делает тот или иной предмет уникальным.
2. Умение проявлять жалость ко всему, что выбрасывается на обочину жизни, желание склеить разбившееся, починить поломанное, залатать продырявленное.
3. Отношение к земной жизни не как к единственной и конечной, но как дарованной свыше, откуда мы получаем как радости, так и горести.

Все эти черты присущи истинным творцами, коими являются и Бог, и художник, и автор. Конструируя образ Н.Г. Чернышевского, Годунов-Чердынцев открывает в себе творца, создающего собственные миры.

Н.Г. Чернышевскому не соответствует ни один из вышеперечисленных критериев художественного мышления. Во-первых, Чернышевский не умеет подмечать особые черты окружающего мира. Например, по дороге в Петербург Николай Гаврилович не обращает ни малейшего внимания на пейзаж, по которому движется повозка. А ведь это «все то русское, путевое,

¹² Апресян Ю.Д. Как понимать «Дар» В. Набокова // Philology.ru [электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature2/apresyan-92.htm> (дата обращения: 23.12.2021).

¹³ Долинин А. Как читать роман «Дар». Arzamas.Academy [электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1618> (Дата обращения: 23.12.2021).

вольное до слез; все кроткое, что глядит с поля, с пригорка, промеж продолговатых туч <...> – ландшафт, воспетый Гоголем»¹⁴. Поэтому в творчестве Чернышевского всё теряет свою уникальность, оставаясь безликим словом: «ухаб теряет значение ухаба, становясь лишь типографской неровностью, скачком строки»¹⁵.

Во-вторых, вместо того чтобы восстанавливать разрушенное, Чернышевский предаёт забвению старое и на его руинах создает новое, увлекшись социалистическими и коммунистическими воззрениями, никак не сосредотачиваясь на настоящем и осмыслении прошлого. Но новое может быть построено только на переосмыслении старого. Прошлое нельзя уничтожить или стереть, оно может помочь трансформировать настоящее. Этому Чернышевский не смог понять, а потому не смог стать созидателем и творцом.

В-третьих, Чернышевский не только не верит в существование высших сил и отрицает любое влияние судьбы на жизнь человека, но еще и не допускает наличие мира поэтического, мира, который развертывается перед «Другим». Для него мир ограничивается вещами, наличествующими вокруг своего «Я»: «Чернышевский все видел в именительном падеже. Между тем всякое новое веяние есть ход коня, перемена теней, сдвиг, смещающий зеркало»¹⁶. Он не допускает существования «Другого», а потому не способен принять любое несчастье в качестве подарка. Все попытки судьбы спасти его тщетны: «тогда какая-то тайная сила все-таки решилась попробовать хотя бы от этой беды Чернышевского спасти, <...> – конфисковать книгу, счастливая судьба которой должна была так губительно отразиться на судьбе ее автора»¹⁷, «удивительно, но все то горькое и героическое, что жизнь изготавляла для Чернышевского, непременно сопровождалось привкусом гнусного фарса»¹⁸.

Годунов-Чердынцев являет собой полную противоположность Чернышевского, открывая в себе художественное мышление и становясь настоящим художником-творцом.

Заключение

Таким образом, через взаимодействие с «Другими», через их полифоническое присутствие в романе, через констатацию своей инаковости Федор Константинович Годунов-Чердынцев обретает себя, открывает и реализует в себе творческий и созидательный дар. Философский концепт «Другого» и его оппозиция с лежащим вне его «Я» фундаментальны для становления

¹⁴ Набоков В.В. Дар. СПб: «Издательская группа «Азбука-Аттикус»», 2020. С 240.

¹⁵ Там же. С. 242.

¹⁶ Набоков В.В. Дар. СПб: «Издательская группа «Азбука-Аттикус»», 2020. С 268.

¹⁷ Там же. С. 307.

¹⁸ Там же. С. 317.

Годунова-Чердынцева как писателя и творца. Следуя за логикой развития романа, мы не просто наблюдаем за этим становлением, но и самостоятельно соприкасаемся с опытом «Другого». И вот уже сам Годунов-Чердынцев становится для нас «Другим», и в нашей отличности от него мы обретаем себя и переосмысливаем жизнь.

Литеартура

Апресян Г.А. Проблема Другого в философии Аристотеля. // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 65–85.

Апресян Ю.Д. Как понимать «Дар» В. Набокова. // Philology.ru [электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/literature2/apresyan-92.htm> (дата обращения: 23.12.2021).

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002.

Долинин А. Как читать роман «Дар». Arzamas.Academy [электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1618> (Дата обращения: 23.12.2021).

Набоков В.В. Дар. СПб: «Издательская группа «Азбука-Аттикус»», 2020.

Сартр Ж.П. Бытие и Ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000.

References

Apresyan R.G. Problema Drugogo v filosofii Aristotelya [The Problem of the Other in Aristotle's Philosophy], *Eticheskaya Mysl'*, 2014, No. 14, pp. 65-85. (In Russian).

Apresyan Ju.D. Kak ponimat' "Dar" V. Nabokova [How to Understand Nabokov's "The Gift"], *Philology.ru* [Electronic resource]. URL: <http://www.philology.ru/literature2/apresyan-92.htm> (date of access: 23.12.2021) (In Russian).

Bakhtin, M.M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics], in: *Sobranie sochineniy v 7 t.* [Collected Works in 7 Vols]. Moscow: Russkie slovari: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. (In Russian).

Dolinin A. Kak chitat' roman "Dar" [How to Read The Novel "The Gift"], *Arzamas. Academy* [Electronic resource]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1618> (date of access: 23.12.2021).

Nabokov V.V. *Dar*. [The Gift]. Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 2020. (In Russian).

Sartre J.P. *Bytie i Nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [L'Être et le néant : Essai d'ontologie phénoménologique], transl. from French by V.I. Koljadko. Moscow: Respublika Publ., 2000 (in Russian).

The Polyphony of Others in Vladimir Nabokov's Novel "The Gift"

Elena Demianova, bachelor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), eddemyanova@edu.hse.ru

The article refers to the philosophical concept of the Other in the interpretation of French philosopher Jean-Paul Sartre in an attempt to analyze Vladimir Nabokov's novel "The Gift". The "Other" appears in the novel in three ways: the Other as the external creative force, the Other as the foreign German culture, the Other as Nikolay Chernyshevsky, a writer and an anti-doppelganger of Godunov-Cherdyntsev. These "Others" constitutes the polyphony of Godunov-Cherdyntsev's world. By interacting with them, Fyodor Godunov-Cherdyntsev unleashes his gift, builds his personality and overcomes the alienation from himself.

Keywords: Vladimir Nabokov, "The Gift", the Other, existentialism, hidden compensation, doppelganger, polyphony, Fyodor Godunov-Cherdyntsev, Jean-Paul Sartre, Nikolay Chernyshevsky.

For citation: Demianova E.D. (2023) The Polyphony of Others in Vladimir Nabokov's Novel "The Gift" // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 1. P. 26-33.